

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТΙΑ**

Цикл

«ПРИГРАНИЧЬЕ»

ЛЕД

СКОЛЬЗКИЙ

ЧЕРНЫЕ СНЫ

ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ

ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ

ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО

ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК

ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА

В соавторстве

с Андреем Крузом

ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК

ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК

ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН

КОРОТКОЕ ЛЕТО

Цикл

«ЭКЗОРЦИСТ»

ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ

ЖНЕЦ

МОР

ОСКВЕРНИТЕЛЬ

Цикл

«СИЯТЕЛЬНЫЙ»

СИЯТЕЛЬНЫЙ

БЕССЕРДЕЧНЫЙ

ПАДШИЙ

СПЯЩИЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ЛЕД.
КУСОЧЕК ЮГА

РОМАН

Москва. 2017
 АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1055

Художник
И. Воронин

Корнев П. Н.
К67 Лед. Кусочек юга: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 345 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2434-4

Приграничье — несколько городов, вырванных из нашего мира в края вечной стужи, где в заснеженных лесах обитают оборотни, а на замерзших болотах караулят жертв вурдалаки. Выжить там непросто, пусть в арсеналах помимо огнестрельного оружия и ждут своего часа боевые чары.

Александр Леднев по прозвищу Скользящий полагал, будто сбежал из Приграничья навсегда, но прошлое сумело дотянуться до него и в реальном мире. Скользящий снова угодил в Форт, и на этот раз окончательно и бесповоротно. Не беда! Старые друзья всегда готовы поддержать и подкинуть работу. Только вот некоторые предложения лучше бы не рассматривать вовсе, и уж точно не стоит переходить дорогу одному из самых могущественных существ тех забытых богом земель...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2434-4

© Корнев П. Н., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

Увозя кусочек юга, возвращаюсь я домой,
Юг засел, падлюка, глухо, то — осколок разрывной.
Лоцман

ПРОЛОГ

1

Снег, кругом один только снег. Куда ни взгляни, всюду бескрайнее белое поле.

А над головой пасмурное небо цветом ему под стать.

Я лежал в сугробе и мог любоваться им, сколько вздумается.

Холодно не было. Нисколько.

То ли оттепель, то ли уже все равно...

Мысль эта прогнала оцепенение и заставила перевалиться на бок; я приподнялся на локте, хватанул ртом морозный воздух и хрипло закашлялся, выдыхая клубы белесого пара.

Пар — это хорошо. Живой!

Я сунул руку под мышку, и пальцы сразу наткнулись на корку заледеневшей ткани, мерзлой из-за пропитавшей ее крови. Дырка в бронежилете никуда не делась, но вот рана...

Вместо пулевого отверстия был лишь неровный бугорок шрама.

— Су-у-ука... — выдохнул я и зажмурился, прогоняя невольно накотившее ощущение дежавю.

Я ведь однажды уже лежал в сугробе! Долго лежал. И очнулся так же — разом, будто проснулся в собственной постели.

Интересно, сколько провалялся на этот раз?

Вот сколько, а?

Но впустую забивать себе голову этим вопросом я не стал. Вместо этого перевалился на четвереньки, дождался, пока утихнет головокружение, и поднялся на ноги.

Заснеженное поле оказалось вовсе не бескрайним — вдалеке виднелась темная полоска соснового леса. Просто с неба

сыпался снег, он затягивал все кругом своей белой пеленой, искажал перспективу, не позволял оценить расстояния.

Стоп! Снег?!

Точно — снег! Я же очнулся в сугробе!

Получается, сейчас зима? Или это Север? Север с большой буквы — кусок чужого мира, где царит вечная стужа?

Я запрокинул лицо к небу, сделал глубокий вдох и ощутил, как незримыми потоками обволакивает со всех сторон магическая энергия. Излучение пронзало ледяными иглами и сводило своей неправильностью с ума, но оно же и спасло, заживив полученное в перестрелке с Крестом ранение.

— Регенерация, — произнес я, и слово это показалось неприятно горьким на вкус.

Я сплюнул, слюна окрасила снег красным.

Внутреннее кровотечение? Да нет, ерунда. Давно бы загнулся.

Вспомнилась вспышка бласт-бомбы, детонация которой перекрутила и вывернула *сверток* наизнанку, забросив меня в Приграничье. Заломило виски, я невольно поежился и поводил плечами, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Но нет, ничего не болело.

Повезло. Так себе везение, и все же — повезло.

Интересно, повезло ли Кресту?

Ох ты черт! Я рывком расстегнул кобуру на поясе, выдернул из нее ПМ и попытался дослать патрон, но негнущиеся пальцы не сумели удержать затвор. Пришлось зажать оружие под мышкой и надавить.

Клац! Возвратная пружина сдвинула кожух затвора на место, попутно загнав патрон в патронник, и кусок холодного железа превратился в приведенное к бою оружие.

Да только кругом — никого.

Если Креста и выбросило вслед за мной в Приграничье, то не рядом, а куда-то в другое место. Впрочем, он мог лежать буквально в двух шагах, просто уже заметенный снегом. Как должен был лежать я...

Но не лежу ведь! Выжил!

В голос выругавшись, я шагнул из сугроба, ботинок сразу проломил наст, и нога по колено погрузилась в рыхлый снег.

Гадство! Я так отсюда год выбираться буду!

Еще и одет не по погоде! Холодно!

Но деваться было некуда, я сунул «макаров» обратно в кобуру и двинулся через поле к далекому лесу. Снег немедленно набился в ботинки, ступни занемели и окончательно потеряли всякую чувствительность. Да и пальцы отогреть дыханием никак не получалось; они шевелились, но и только.

Впрочем — ерунда. Мне ли бояться обморожений?

Я вновь сплюнул под ноги, и на этот раз крови в слюне уже не оказалось.

Это обстоятельство придало уверенности в собственных силах, но ненадолго: мело все сильнее, ветер беспрестанно менял направление, кружил вокруг, толкал в спину и тотчас бил в грудь. Снежная крупа секла лицо наждачной бумагой.

Проклиная все на свете, я упрямо рвался к лесу. Проламывал наст, падал, поднимался и вновь шел дальше. Одежда заледенела, дыхание сбилось, но холод лишь покусывал, не в силах погасить горевшее внутри меня пламя.

А потом я перебрался через очередной сугроб и вывалился на пересекавшую поле дорогу. Снег на ней доходил лишь до середины щиколотки, идти сразу стало легче.

Но идти — куда? В какую сторону? Вьюга затянула все кругом белой завесой; десяток-другой метров — и уже ни черта не разобрать!

Я не стал уподобляться буриданову ослу, спрятал кисти под мышками, ссутулился и повернул направо. Наугад.

И тотчас в спину повеяло стужей столь жуткой, что студеный ветер в сравнении с ней показался жаром растопленной печи!

На миг мощный всплеск магической энергии буквально приморозил к земле, а когда я сбросил оцепенение, выдернул из кобуры пистолет и обернулся, снеговик с горевшими синим огнем глазами уже полностью сформировался и выбрался из сугроба на дорогу. Обычная пуля ничем повредить ищадию *Стужи* не могла, и все же я утопил спуск. Просто машинально.

Грохнул выстрел, сверкнула в сумраке вьюги дульная вспышка, и голем развалился на куски, будто самая обычная, вылепленная из снега скульптура.

В ищадии *Стужи* оказалось слишком мало магической энергии, но из сугробов выбирались все новые и новые безликие фигуры. Я прицелился в ближайшую и выстрелил. Вы-

росший из взломанного наста лишь по пояс снеговик враз рассыпался, потеряв приданную ему магией форму.

Ну, держитесь!

Выстрел! Выстрел! Выстрел!

Снежные големы рассыпались один за другим, и все шло просто отлично, пока не опустел магазин. Сдвинуть замерзшими пальцами защелку и поменять его на запасной удалось далеко не сразу; за это время исчадия Стужи успели выбраться на дорогу и двинулись ко мне с разных сторон.

Сняв затвор с задержки, я застрелил двух снеговиков и попытался от остальных. Жуткие создания с когтями черного льда ринулись в атаку, пришлось стрелять прямо на ходу. В пистолете еще оставались два патрона, когда последняя тварь осыпалась на дорогу бесформенной кучей снега, и тогда с негромким хлопком из ниоткуда возник снежный лорд — сгусток мрака, злобы и грязного льда!

Переполюнявшая порождение Стужи сила искажала и рвала окружающее пространство в клочья, ментальное давление невыносимой тяжестью придавило к земле, не давая пошевелиться. Накатил лютый холод, попытался проморозить и превратить меня в ледяную статую, но не сумел и отхлынул назад.

Я дважды выстрелил; пули выбили из лорда мелкие осколки и лишь разозлили тварь. Она ринулась на меня, тогда я кинул разряженный ПМ и отчаянно-резким движением выбросил перед собой пустую руку.

Темно-синий клинок с затейливым зеленым узором пробил ледяной доспех и рассек клубившийся внутри страшной фигуры мрак. Каменная рукоять опалила ладонь лютым холодом, вверх по руке пополз иней. Серебристая корка уже добралась до локтя, когда лорд дрогнул и осыпался на дорогу кучей грязного ледяного крошева. Мрак развеялся без следа.

Злоба? Не стало и ее.

Все поглотил нож.

Я какое-то время рассматривал заледеневшую руку, затем усилием воли заставил пальцы разжаться и отпустить рукоять. Нож выпал и разлетелся по ветру ворохом колючих снежинок.

Но не исчез, вовсе нет.

Я чувствовал клинок, словно он до сих пор был зажат у меня в руке.

Я чувствовал клинок и его злобу.

За окном падал снег. Точнее — летел.

Резкие порывы срывали его с крыши дома и уносили за пределы освещенного пространства, куда-то в белую мглу. К вечеру ветер заметно усилился, поземка над землей так и неслась, и высокие заборы ей нисколько не мешали.

В такую погоду хорошо сидеть дома, топить камин, пить...

Я посмотрел на стакан в руке и усмехнулся.

Да хотя бы и коньяк! Главное, на улицу носу не казать. Ни к чему это.

От неуютных мыслей накатило озноб.

Неприятные дела тем и неприятны, что, сколько их ни откладывай, все равно к стенке припрут.

«Пацан сказал, пацан сделал» — в Форте по-другому никак. И даже если сам не вызвался, а попросили, ничего это не меняет. Придется делать.

Я отпил коньяка и в голос выругался.

За спиной хлопнула дверь, повеяло холодом.

— Чего, Лед, бурчишь опять? — спросил Шурик Ермолов, кинув полушубок в одно из кресел, уселся в соседнее и принялся разуваться.

Высоченный и крепкий, за последнее время мой старый знакомец изрядно раздобрел, но, несмотря на солидный животик, до ботинок дотягивался без всякого труда.

— Дурацкая затея, — просто ответил я.

Ермолов только рассмеялся и обвел рукой просторную комнату.

— Думаешь, это все из воздуха взялось, да? Дом, должность, все такое прочее? Хочешь жить — умей крутиться!

— Задрал, — поморщился я, в глубине души признавая, что приятель прав целиком и полностью.

Если сидеть и плевать в потолок, начальником пограничной службы не станешь, да и коттедж на «Поляне» далеко не всякому предпринимателю по средствам. Тут действительно крутиться надо.

Ермолов взял бутылку, плеснул коньяка в свой стакан и развалился в кресле.

— Хорош хандрить! — потребовал он. — И так Доминик завтра все мозги вынесет!

— Машину отправил? — спросил я.

— Да, уехали, — подтвердил Ермолов.

Служебный «Хантер» должен был увезти нас с Шуриком на Северную промзону, а вместо этого водителю велели закинуть домой заглянувшего на огонек местного пивовара по прозвищу Хмель и поставить машину в гараж.

Как на это отреагирует глава «Несущих свет», не хотелось даже думать.

И ладно бы приходилось опасаться одного только Доминика! Так нет же! В очередной раз угораздило угодить меж двух жерновов!

Дело было в переходе, пробитом в реальный мир. Точку выхода в Приграничье контролировала Дружина, но грузы через него пускали мои работодатели с той стороны, они и хотели решать, что и кому достанется. Вот и нашла коса на камень.

Отец Доминик и Воевода ни о чем договориться не смогли, и тогда в чью-то светлую голову — не будем показывать пальцем, хотя это точно был Боря Хромой, — пришла идея отвести от основного канала дополнительный отнорок и пускать груз уже по нему.

Лично мне идея показалась на редкость сомнительной, да и экспериментальная установка никакого доверия не внушала, но есть предложения, от которых не отказываются. К тому же должность взамен посулили немалую...

А вот не лежит душа, и все тут! Поэтому и не поехал никуда сегодня, решил время потянуть. Пьянка — лишь предлог. Ну почти...

Я влил в себя остававшийся в стакане коньяк, шумно выдохнул и скривился.

— Да не мандражируй ты! — легкомысленно рассмеялся Ермолов. — Прорвемся!

— Твоими бы устами да медка хлебнуть, — поморщился я, отошел от окна и плюхнулся в кресло. — Воевода нашему маленькому гешефту рад не будет.

— А как он узнает?

— Для этого у него есть Линев.

При упоминании куратора отдела контрразведки физиономии Шурика перекосила гримаса отвращения, словно он

половинку лимона зажевал. Мне все же удалось достать приятеля.

— Типун тебе на язык! — выругался Ермолов.

— Сделал гадость, на сердце радость! — хохотнул я без всякого веселья.

Становиться подопытным кроликом откровенно не хотелось. Пусть переход в реальный мир и был отчасти завязан на меня, но всегда что-то может пойти не так. Остальные просто пожмут плечами, если некто Леднев А. С. окажется распылен на атомы, а вот я этому точно не обрадуюсь...

Неожиданно донесся рокот мощного взрыва, дрогнули окна, закачалась под потолком люстра.

— Что за нафиг?! — охнул Ермолов, стряхивая с руки пролитый коньяк.

— Может, не на «Поляне»? — предположил я, но тут в прихожей запищал блок тревожной сигнализации.

Шурик выскочил в коридор, переговорил с кем-то по телефону и быстро вернулся обратно.

— Машину взорвали, — сообщил он, вытирая испарину с побледневшего лица.

— Какую машину? — не понял я.

— Лед, ты че тупишь?! Нашу машину! «Хантер» служебный! — заорал Ермолов и принялся дрожащими руками натягивать полушубок. — Давай резче, надо посмотреть, что там и как!

— Своих вызвал? — спросил я, обуываясь.

— Охрана вызовет. «Хантер» метрах в пятидесяти от ворот рванул!

— Закладка?

Ермолов на миг задумался и покачал головой.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Ладно, идем!

— Подожди! — Я схватил полушубок и забежал в соседнюю с прихожей кладовку. В пирамиде там стояло сразу несколько автоматов, взял себе АК-104, на плечо закинул подсумок с запасными магазинами.

Ермолов ограничился табельным пистолетом в кобуре на поясе. На «Поляне» с ее многочисленной и до зубов вооруженной охраной он чувствовал себя в полной безопасности, но, как говорится, береженого Бог бережет...

Я дослал патрон, натянул на голову балаклаву и выбежал за приятелем, который уже шагал через двор к воротам.

— Дверь захлопни! — крикнул тот на ходу.

— Захлопнул, — ответил я. — Ключи взял?

— Да, — подтвердил Шурик и шагнул за ограду.

Я поспешил следом.

«Поляна» — элитный поселок, город в городе. Место жизни самых богатых и успешных, огороженное от простых смертных высоченной стеной, рвом, наблюдательными вышками и укрепленными огневыми позициями. Никаких серьезных происшествий тут не случалось, пожалуй, с тех самых пор, как я сжег один из особняков, и сейчас местные обитатели все как один выключили свет и приникли к окнам, пытаюсь выяснить, что происходит на улице.

— Шевелись! — шумно выдохнул Ермолов и прибавил шагу, будто у нас была причина куда-то спешить. — Живее!

Я выругался, и мы побежали мимо дворцов с фигурными дымовыми трубами и флюгерами, медными молоточками на солидных дверях, коваными фонарями и зелеными мачтами елок. Точнее — вдоль заборов, за которыми все это великолепие скрывалось.

Мало кто из «богатых и успешных» ограничивался символической живой изгородью. Но если начистоту — к таким оригиналам я бы рискнул вломиться в последнюю очередь. Хватало среди местных жителей и столь зубастых деятелей, что это горожан от них стоило защищать, а не наоборот. Один Тема Жилин с подельниками чего стоит.

Вскоре вдоль дороги потянулись административные постройки и бараки персонала, там мы повернули и выскочили к проходной, во дворе которой, будто растревоженные муравьи, суетились поставленные под ружье охранники.

Ермолова знали в лицо, и старший смены сразу провел нас на КПП.

— Машина на полсотни метров отъехала и остановилась. Ваш гость чарофон забыл, — ввел он нас в курс дела. — Забрал, вышел — и сразу взрыв!

Мы встали у бронированного окна и без труда разглядели в несшейся по пустырю поземке яркие отблески алхимического пламени.

— Что с машиной? — спросил Ермолов не своим голосом.

Похоже, он только сейчас осознал, что это мы должны были сгореть с беднягой-водителем. Что это нас собирались убить. Ну или, по крайней мере, меня.

Ух! Аж продрало всего...

— Автомобиль полностью уничтожен, — сообщил старший смены. — Дружинников вызвали, комендатуру уведомили. Все правильно?

— Все верно, — кивнул Ермолов и двинулся к входной двери.

— Куда?! — Я ухватил его за рукав полушубка и остановил. — А если это не фугас был? Если стреляли?

— Точно не фугас, — поддержал меня старший смены. — Мы обочины дорог проверяем.

Шурик шумно выдохнул, вытер вспотевшее лицо и достал из кармана фляжку. Скрутил колпачок, хлебнул и протянул мне.

— Хватит уже, — отказался я.

— Как скажешь, — хмыкнул Ермолов.

— Дружину уже вызвали, — многозначительно произнес я тогда.

— И что с того? — не понял Шурик, но сразу переменялся в лице.

Воеводе отнорок от основного канала словно острый нож в сердце. За покушением, скорее всего, стоит именно он. Или его окружение. Иметь в личных врагах Воеводу — это прямой путь в крематорий.

— Вот дерьмо! — выругался Ермолов и позвонил в комендатуру, да так и завис на трубке, поскольку дежурным оказался кто-то из его многочисленных знакомых.

Когда на пустыре замигали проблесковые маячки, а следом еще одни, Ермолов поблагодарил собеседника, оставил телефон в покое и подошел к окну.

— Одна из машин точно группы быстрого реагирования комендатуры, — сказал он. — Они сообщили, что прибыли на место.

— Вторая дружинников? — хмыкнул я. — Стоим, ждем.

Но в этот момент место происшествия окружила непрозрачная колдовская пелена, и Шурик решительно направился на выход.

— Идем! — позвал он меня и коротко бросил двинувшемуся было за нами старшему смены: — Дальше мы сами!

И точно — караулившие до приезда силовиков место происшествия охранники уже возвращались на проходную.

На улице сразу налетел ветер, сыпанул снежной крупой, выдул из-под одежды все тепло. Я чуть ли не вприпрыжку бежал за набравшим неплохой темп Ермоловым, но, когда тот решительно шагнул прямо сквозь колдовскую пелену, замешкался.

Светящаяся стена выростала из снега и охватывала место преступления со всех сторон: обойти ее никак не получалось. И это был отнюдь не простой свет — снежинки облетали полог стороной, а у меня от едва слышного гула ощутило заломило зубы.

Я осторожно потянулся к выставленному гимназистами пологу, и ровное сияние подернулось рябью, а пятнавший снег черный алхимический реагент заискрил, будто подожженный бенгальский огонь.

Но деваться было некуда, я задержал дыхание и быстро шагнул на ту сторону в надежде, что колдуны сейчас слишком заняты «Хантером», чтобы связать со мной перебой в работе защитного заклинания. Так оно и оказалось: свечение дрогнуло и померкло лишь на миг, никто на меня даже не обернулся.

Всеобщим вниманием завладел взорванный внедорожник, полностью сгоревший и весь какой-то оплавившийся. Крыша прогнулась, фары стекли расплавленным стеклом, местами на снегу продолжали трепетать языки ядовито-голубого алхимического огня. Нестерпимо несло горелой резиной и чем-то еще даже более отвратительным.

Чем-то? Да нет, вонь паленой человечины была мне прекрасно знакома...

Ермолов с ходу принялся раздавать приказы. Дружинников он отправил прочесывать территорию, группу быстрого реагирования оставил в оцеплении. А сам зашагал к колдунам, но вдруг замер на месте и пьяно хихикнул:

— О, Хмель! Совсем как живой...

Я двинул Ермолова локтем в бок, тот немедленно осекся, откашлялся и достал из кармана плоскую фляжку.

— На, хлебни, — протянул он ее пивовару.

Слава Хмелев дрожащими руками свернул колпачок, влил в себя настоящего на травах самогона и спросил:

— Угадай, в каком ухе у меня звенит?

— В обоих, — ответил я, забрал фляжку и спрятал в собственный карман. — Ближе к делу!

— Рассказывай, Слава, не тяни кота за яйца, — приказал Ермолов, но сразу отвлекся и взмахом руки подозвал к себе командира группы быстрого реагирования. — Травин, иди сюда!

Младший лейтенант приблизился с трубой гранатомета в руках, следом подошел колдун.

— Стреляли из «Упыря», — сообщил командир группы. — Это противотанковый гранатомет на основе РПГ-7, состоит на вооружении пограничной службы и гарнизона. Начинка комбинированная: взрывчатка и алхимический состав. Шансов спастись не было.

Мы выжидающе уставились на пивовара; тот растер по лицу пригоршню снега и вкратце обрисовал ситуацию:

— Чарофон забыл забрать, попросил остановиться. Дошел до пропускной, вернулся — и рвануло. Из чего стреляли, не знаю, но со стороны развалин — это точно. Оттуда хрень какая-то светящаяся прилетела.

— Товарища чарофон спас. Старая модель, сейчас таких не делают, — добавил гимназист. — Защитное поле взрывную волну погасило.

— Ясно, — нахмурился Ермолов и спросил: — То есть они ждали, пока ты в машину вернешься?

Слава Хмелев ненадолго задумался и покачал головой.

— Нет, не думаю. Водитель назад сдавать стал, чтобы меня подобрать. Может, те решили, что он вернуться собрался.

— Скорее всего, — согласился с пивоваром младший лейтенант. — Дистанция предельная, рисковали промахнуться.

— Но не промахнулись, — вздохнул Ермолов и в задумчивости уставился на обгорелый остов внедорожника. — От чар корпус был защищен по полной программе, а обычный выстрел к гранатомету внутри просто не мог взорваться, одно из резидентных заклинаний специально для этого навесили. В результате корпус пробили болванкой, а внутри сработал алхимический заряд.

— Вас ждали. Именно вас, — нахмурился командир группы быстрого реагирования. — Надо усилить охрану.

Хмелев вздохнул и спросил:

— А можно мне домой, а?

— Сейчас опросим официально и отвезем, — пообещал младший лейтенант. — Только Форт не покидайте в ближайшие дни, возможно, что-то уточнить понадобится.

Они отошли, и я тихонько толкнул в бок Шурика.

— Сань, короче, я в машине был.

— Ты чего? — округлил глаза Ермолов.

— Я. Был. В машине, — медленно и раздельно повторил я. — Тебе позвонят, ты подтвердишь.

— Труп-то один!

— Зато фора будет.

— Решил сдернуть? — догадался Ермолов.

— Ну да, — подтвердил я и передал автомат приятелю. Затем снял с плеча подсумок с магазинами и сунул ему же. — Второй раз так не повезет, ты как считаешь?

— Не повезет, — кивнул Шурик. — К гадалке не ходи, не повезет. Но Доминик...

— Посоветуй Доминику договориться с Воеводой по-хорошему. Всем лучше будет.

— Можно подумать, он меня послушает...

— С тебя не убудет, — усмехнулся я, хлопнул приятеля по плечу и зашагал по дороге.

— Не пропадай! — крикнул Ермолов вдогонку.

— Постараюсь! — отозвался я, прежде чем шагнуть через защитный полог и раствориться в ночи.

ГЛАВА 1

1

Будильник зазвенел в половине девятого, когда за окном уже рассвело.

Я утопил кнопку, перевернулся на другой бок и вновь заснул. Точнее — задремал.

Зачем будильник человеку, которому некуда спешить?

Проснуться — заснуть. Проснуться — заснуть. Поймать тонкую грань между сном и явью, поплыть в мягком, теплом облаке забытья, очнуться и встать в прекрасном расположении духа.

Так это обычно работает. Обычно, но не сегодня.

У соседей безостановочно, одна за другой играли песни Высоцкого, но играли тихо, буквально на грани слышимости и угадывались лишь интонации голоса. Невозможность разобрать слова раздражала.

Я потянулся, откинул одеяло и зябко поежился — за ночь в комнате заметно похолодало. Натянув спортивные штаны и фланелевую рубашку, я прошлепал босыми ступнями по линолеуму к окну, слегка отодвинул в сторону штору и выглянул на улицу.

Во дворе — никого.

Труба отопления оказалась еле теплой; я выругался и ушел в совмещенный санузел. Дверь оставил открытой — электричество в дом еще не провели, да и не собирались, похоже. Не тот район, не те люди.

Облегчившись в ведро с водой, я посмотрел в зеркало и задумчиво потер подбородок. Длинная щетина давно превратилась в короткую бородку, но бриться не стал.

В таком виде меня даже знакомым признать сложно, а по фотоснимкам — тем более.

Не то чтобы меня искали, но — вдруг?

Я не параноик, просто предусмотрительный. Да и бриться ломает.

Пасты не было, вместо нее воспользовался китайским зубным порошком. Тот пенился так, что изо рта шли пузыри, но особого отвращения давно уже не вызывал. Дело привычки.

Прополоскав рот, я сплюнул в ведро, вытер губы полотенцем и заглянул на кухню. Там налил из пластиковой пятилитровки в пластиковый же стаканчик — здесь вообще все пластиковое и временное — питьевой воды, в несколько глотков влил ее в себя и распаковал шоколадный батончик. Отрезал пару ломтиков в сантиметр толщиной каждый, остатки убрал на полку.

Вполне себе завтрак.

Из комнаты донесся противный электронный писк; я вернулся в спальню и взял с тумбочки чарофон, экран которого уже начинал затухать.

Сообщение гласило: «93010».

Так себе шифр, но без знания контекста разгадать его нереально.

Первая часть числа обозначала время — девять тридцать, вторая говорила о месте встречи, на этот раз меня ждали в кафе «Весна».

Заднюю панель корпуса дешевого телефона, превращенного местными умельцами в магическое средство связи, удалось снять без всякого труда, просто подцепил ногтем. Вынув плоский аккумулятор магической энергии, я кинул чарофон в мусорное ведро, немного поколебался, достал обратно и разбил хрупкие внутренности, прихлопнув телефон ударом тяжелого ботинка.

А вот это уже — паранойя.

Вернув ботинок к двери, я собрал с пола обломки и теперь уже с легким сердцем ссыпал остатки чарофона в мусорное ведро. Потом вытащил из тумбочки пластиковый пакет с парой десятков новых аппаратов, выбрал наугад один и вставил в него аккумулятор.

Сколько там натикало? Без пяти девять? Нормально, успеваю.

Включив телефон, я выставил правильное время и сунул аппарат в карман рубахи. Взамен треников надел карго-штаны, обулся и застегнул кофту. «Чешуя дракона» на цепочке с крестиком скользнула под одежду неприятным холодком; я пожегся и задумался, что еще взять с собой на встречу.

Нож — это понятно, «крыса» — не оружие, просто инструмент. Какой взять ствол, вот в чем вопрос!

Реплику кольта «коммандера» сорок пятого калибра от китайской «Норинко» или жезл «свинцовых ос»? Выбор на самом деле вовсе не прост.

Укороченный пистолет с однорядным магазином на семь патронов был плоским и компактным, на стволе имелась резьба для установки глушителя. Глушитель у меня был, да только жезл «свинцовых ос» при стрельбе особо не шумел без всяких дополнительных насадок. При этом кольт сорок пятого калибра отличался весьма комфортной отдачей, зато чародейское оружие работало в полностью автоматическом режиме и к тому же не требовало специального разрешения. Последнее обстоятельство в итоге и решило дело.

Я пошарил под кроватью и вытащил из проволочных креплений жезл «свинцовых ос», формой напоминавший старинный пистолет с удлиненной рукоятью, в котором и располагалась банка со свинцовыми шарами.

Оружие пахло дешевым пластиком и производило впечатление одноразовой поделки, да, по сути, таковой и являлось. Мастера Братства наловчились пускать в переработку вторичное сырье и за счет этого достаточно серьезно уронили цены на свою продукцию. Только вот и качество упало при этом ниже плинтуса. Но сертифицированный — и ладно.

Прошедшие сертификацию в Форте колдовские жезлы и амулеты снабжались блокировкой, которая не позволяла использовать их против обладателей служебных жетонов, и поэтому продавались совершенно свободно. Специального разрешения на их ношение не требовалось.

С выбором верхней одежды никаких заминок не возникло; я без всяких колебаний снял с прибитой к стене вешалки черную кожаную куртку, оставив висеть там зимний полушубок.

Все же май на дворе.

Но у нас и в мае не особо жарко, поэтому лысину прикрыл лыжной шапочкой, да и тактические перчатки с пластиковыми вставками на костяшках оставлять в карманах не стал. Натянул их тоже.

Поправив спрятанный под куртку жезл «свинцовых ос», я приоткрыл дверь, выглянул в подъезд и лишь после этого шагнул через порог. Запер квартиру на оба замка и сбежал по лестнице на первый этаж, а там не отказал себе в удовольствии несколько раз со всей силы приложить ботинком по гулкой двери обиталища местного истопника, дворника, сторожа, слесаря и просто мастера на все руки — Михалыча.

— Кто там долбит?! — раздраженно рыкнули из квартиры, и сразу послышался лязг засова.

— Михалыч, поимей совесть! Я за квартиру плачу, не за холодильник!

— А! — высунулся в коридор пропитого вида мужичок. — К вечеру закину угля. Экономия у нас.

— В задницу твою экономию! — ругнулся я и вышел на крыльцо.

На улице оказалось достаточно прохладно; тенистый дворик заполняли рыхлые сугробы, грязные и залитые подмерзшими с ночи помоями. С крыши и карнизов свисали гроздьи хищных сосулек.

— Тоже экономия? — проворчал я, спустился с крыльца и зашагал к выходу со двора.

Там внимательно осмотрелся, но никого подозрительного не заметил. Вообще никого не заметил, если начистоту. Все на работе давно, а для маргиналов район все же слишком дорогой, не трущобы.

Какое-то движение наблюдалось лишь через два дома на Красном проспекте: время от времени по дороге проезжали автомобили и телеги да на блошином рынке уже копошились продавцы. А вот покупателей пока было немного. Слишком рано.

Я вздохнул, развернулся спиной к проспекту и зашагал к видневшейся вдалеке городской стене. За последние годы заброшенных домов в округе почти не осталось, но здания были столь же замызганными и обшарпанными, как и прежде. Разве что местами перестелили пришедшие в полную негодность

кровли да отгородили дворы заборами. Ну и решеток на окнах прибавилось — факт.

Снег почти везде стоял, сугробы таились только в глухих закутках и у стен домов, но конца и края осенней распутице не предвиделось. Из-под дорожной грязи проглядывала наледь с глубокими промоинами ручьев, а в ямах растеклись лужи, ехать через которые рисковал не всякий грузовик. И все это — подмороженное с ночи, скользкое и обманчивое.

Меня от падений уберегали рифленые подошвы высоких ботинок и неспешный шаг, но и так несколько раз раскидывал руки в стороны, дабы удержать равновесие, когда начинали неожиданно разъезжаться ноги.

Плюхнуться в грязь — хорошего мало, да и расшибиться на льду проще простого.

На краю пустыря с мрачной громадой штаб-квартиры Лиги шумная ребятня запускала в ручье кораблики, а вот я приближаться к бывшей женской колонии не стал и загодя ушел на соседнюю улицу. Прошел мимо двухэтажного особняка с вывеской «Торговый дом «Янус», повернул раз-другой и очутился у нужной пятиэтажки.

За время моего отсутствия в Форте кафе расширилось и заняло соседнее помещение, поэтому вывеску с ржавыми буквами «ПРО...УКТЬ...» демонтировали, и теперь на ее месте красовался нарядный щит с затейливой надписью «Весна» и лампами подсветки понизу. О старых добрых временах напоминала только стеклянная витрина во всю стену. Сейчас таким никого особо не удивишь, а когда-то это было визитной карточкой заведения.

У крыльца «Весны» сверкал свежей полировкой знакомый фордовский внедорожник, других машин поблизости припарковано не было. Разве что к торцу дома со стороны дебаркадера пристроился работяга-«бычок», а дальше, уже у выезда с соседнего двора стояла «Нива» — красная, с выкрашенной черной краской правой передней дверцей. За машиной расходились явственно заметные в морозном воздухе клубы выхлопных газов, но ничего необычного: это просто двигатель прогревают, дело житейское.

Пожилой дядька в потрепанной куртке выкатил из-за угла тележку с парой алюминиевых бидонов, и я мысленно сделал

себе пометку сходить за водой на колонку. Остававшегося в пластиковой бутылке литра на утро могло и не хватить.

На всякий случай я расстегнул куртку и поправил сунутый в нашитые на подкладку петли жезл «свинцовых ос», но мог бы и не суетиться: через витрину мне помахал Шурик Ермолов.

— Это фишка такая встречаться на всеобщем обозрении? — проворчал я, пройдя в кафе, вместо приветствия.

— Падай! — махнул рукой Шурик и оторвался от изучения меню, напечатанного на листе формата А3. — А что, так модно сейчас? — заржал он в голос, стоило только стянуть с головы вязаную шапочку.

Я пригладил короткую бородку, которая в сочетании с лысиной смотрелась несколько вызывающе, и за словом в карман не полез:

— Ламберсексуал, епт!

— Лед, ты своим видом нормального ламберсексуала до икоты напугаешь, — фыркнул глава погранслужбы и спросил: — Есть хочешь?

— Еще спрашиваешь! — усмехнулся я и убрал куртку с жезлом «свинцовых ос» на диванчик.

— Девушка! — окликнул тогда Ермолов официантку. — Нам две пиццы с курицей, кофе и... Лед, ты что пить будешь?

— Черный чай.

— И черный чай!

— Пиццы средние или большие?

Ермолов рассмеялся и похлопал себя по обтянутому свитером животу.

— Девушка, посмотрите на нас! Мы и сами люди большие, и пиццы нужны большие!

Некоторые люди просто не меняются.

Я покачал головой и отвернулся к витрине. Улица отсюда была как на ладони.

— Сидим будто в аквариуме, блин! — поморщился я.

— Зато незаметно никто не подкрадется! — парировал Ермолов и поинтересовался: — Как сам?

— Ничего, — пожал я плечами и окинул взглядом обстановку кафе. Высокие спинки диванчиков образовывали некое подобие ниш, через распахнутую дверь был виден второй

зал, устроенный на месте заброшенного продуктового магазина. — И давно тут пиццерия?

— А как Патруль новую базу открыл, так и пришлось профиль менять. Патрульные теперь в собственной столовой харчуются и со сторонними организациями подряды больше не заключают. Во избежание коррупционных схем.

Я понимающе улыбнулся.

— Но, похоже, заведение процветает.

— Почему нет? Бизнес-ланч здесь вполне ничего себе.

— Но ты ведь не завтракать меня позвал? — решил я прояснить ситуацию. — Случилось что?

— Да как тебе сказать? — Шурик задумчиво хрустнул костяшками пальцев, перехватил мой пристальный взгляд и поспешно произнес: — Нет, о тебе никто не вспоминает даже. Тот проект давно закрыт. Воевода с Домиником живут душа в душу.

— Вот и хорошо, — улыбнулся я, хотя заявление приятеля меня несколько не успокоило.

Обычно Шурик назначал встречу, чтобы попросить об услуге или подкинуть очередную подработку, но сегодня переходить к делу не торопился. Что-то его беспокоило. Но что?

— Хорошо, да, — согласился со мной Ермолов и забарабанил пальцами по краю стола. — Только не очень.

— А именно? — вздохнул я, заранее готовясь к неприятным новостям.

— Не знаю точно, о чем договорился Доминик с Воеводой, но, похоже, меня списали в расход.

— Разве? Тополев твой человек, а его поставили Патрулем рулить.

— Фигня полная вышла! Стас там только бумажки подписывает, все решения через Мстислава проходят, а на серых схемах Тема Гельман сидит. Нет, в Патруле ничего не светит. Да еще мне двух новых замов навязали, к ним спиной повернуться страшно, не то что в отпуск уйти. Я уж не говорю, что по всем раскладам перегон машин Жилина должен был погранслужбе отойти, а его какие-то мутные люди себе забрали. Связи у них что надо...

Я без всякого сочувствия рассмеялся.

— Может, стоит просто аппетит поумерить?

— Это у меня аппетиты большие?! — охнул Шурик. — Лед, ты думай, что говоришь! Я не для себя, я для пользы дела! Не подмажешь — не поедешь! Парням сверх оклада накидывать приходится, иначе разбегутся с этой собачьей работы.

— Да ты бессребреник прям. Все об отчизне думаешь.

— Иди в задницу, — обиделся Ермолов и поправил выпивавшую из-под свитера кобуру на поясе. — Я бы давно озолотиться мог. Не напрягаясь. Только позавчера две тонны алхимических амулетов изъяли. Две тонны, Лед! Ты подумай только, какие это бабки! И ведь какая-то зараза из наших обо всем договорилась, бумаги у них чин чинарем были, комар носу не подточит. Случайно груз перехватили уже на восточных воротах. Представляешь?

— Две тонны? Серьезно.

Алхимические амулеты во многом были куда эффективней колдовских оберегов, но при работе они выбрасывали в пространство значительное количество магической энергии, поэтому в Форте их применение было запрещено. За городскими стенами — сколько угодно, внутри — нет.

— Узнаю, кто подписался груз пропустить, голову оторву.

— Откат мимо кассы?

— Нет, просто палево конкретное, — зло ответил Ермолов и улыбнулся. — О, вот и пицца!

Пицца оказалась большой и на тонком поджаристом корже. Я сложил кусок вдвое, откусил и одобрительно кивнул. Действительно — здорово. А вот чай принесли самый дешевый, в бумажном пакетике. Ну да и фиг бы с ним.

— В общем, чувствую — роют под меня, Лед. Усиленно роют, бумажку к бумажке подкладывают, — продолжил Шурик, прожевав. — Чтобы все по закону.

— Может, с Мстиславом поговорить? — предложил я.

Мстислав был бессменным помощником главы «Несущих свет» и, соответственно, вторым человеком в здешней резидентуре конторы. Именно он в свое время приложил руку к успешной карьере Ермолова, мог помочь и сейчас.

— Да говорил я, — скривился Шурик. — Мутно все как-то. Чую, надо запасной аэродром готовить. В бизнес уходить.

Я только вздохнул, подозревая, что предложение приятеля меня несколько не воодушевит. И точно — тот своей идеей натурально ошарашил.

— Есть предложение у Хозяина *окна* отжать, которые с нашей стороны границы находятся, — заявил Ермолов.

— Совсем долбанулся? — покрутил я пальцем у виска. — Хозяин тебя с потрохами сожрет!

Но Шурик лишь набычился.

— С этой стороны границы, — упрямо произнес он. — На территории Форта, понимаешь?

Я покачал головой. Некогда Хозяин пришел в Приграничье из другого мира и превратил Северореченск в свое удельное княжество, а Форт сделал первым рубежом обороны против исчадий Стужи. Сейчас его влияние было уже не столь сильно, и все же связываться с подобным существом я не собирался ни за какие коврижки.

— Ты сам подумай! — пустился в уговоры Ермолов. — Там от десяти до пятнадцати постоянных окон! Прикинь, какой трафик они пропускают! И мы можем забрать их себе!

— А Хозяин? Думаешь, он так это спустит?

— Граница на замке! — рассмеялся Шурик и принялся вытирать руки салфеткой. — Не сунется он к нам. Я тебе точно говорю — не сунется.

Но меня заверения приятеля нисколько не убедили.

— Лед! Ты и дальше собираешься подработками перебиваться? В контору ведь не вернешься, правильно?

— Не вернусь.

— Так, может, пора сорвать банк? Надежное дело, хороший доход. Стабильность.

— Ну да, — криво усмехнулся я. — Посадить дерево, построить дом, вырастить сына. А то у меня как-то все наоборот. Деревья рубил, дома жег...

— Детей-то хоть не убивал? — пошутил Ермолов.

Я вспомнил малолетнего вампира, опасного, будто гремучая змея, и поморщился.

— Да как тебе сказать...

— Все, закрыли тему! — выставил перед собой руку Шурик и отпил кофе. — В общем, треть трафика от этих окон нам с тобой на двоих, что скажешь?

— Скажу: почему только треть?

— Потому что делиться надо. Иначе запросто куском пирога подавиться можно. Так ты согласен?

Я опустил бумажный пакетик в чашку с кипятком, подержал, вытащил, снова опустил.

— Излагай, — разрешил после недолгих раздумий.

Слишком уж заразительной оказалась уверенность приятеля в том, что перехватить контроль над окнами не составит особого труда. Да и деньги на кону стояли немалые. Опять же — стабильность. Пусть не дерево, дом и сын, но постоянный доход дорогого стоит.

Шурик с явственным облегчением перевел дух, кинул скомканную салфетку на пустое блюдо и сказал:

— В восемь в «Цапле» встретимся с представителем второго пайщика. Он введет в курс дела. Есть определенные технические сложности, но все решаемо.

— Какой ты загадочный однако.

— В восемь. В «Цапле».

— Буду, — сдался я.

Зря, наверно. Впрочем, отказаться никогда не поздно.

Шурик снял с вешалки короткую куртку с меховым подбоем и вздохнул.

— На службу пора.

— Перетрудился, бедный, — усмехнулся я и в несколько глотков влил в себя остывший чай.

Дрянь! Ненавижу бумажный привкус. Никто не чувствует, а меня просто выворачивает, хоть не пей вовсе.

— Все, до вечера! — махнул мне Ермолов, но я его остановил:

— погоди! Запиши мой новый номер.

— Ты их каждую неделю меняешь, что ли? — фыркнул Шурик.

— Конспирация!

Ермолов записал номер и отошел к барной стойке расплатиться за пиццу, а потом двинул на улицу.

Я накинул куртку, поправил жезл «свинцовых ос», чтобы он не топорщил полу, и вышел на крыльцо вслед за приятелем. Встал там на верхней ступеньке, достал из кармана шапочку, привычно огляделся по сторонам и вдруг отметил тронувшуюся с места «Ниву».

Так двигатель и прогревали все это время? Странно.

Но если это слезка, то имело бы смысл подождать, пока Ермолов отъедет. А раз ждать не стали...

Я рванул полу куртки и крикнул:

— Саня, падай!

Выходцы из Патруля исполняют такие приказы на уровне рефлексов. Всем в подкорку въелось, что промедление смерти подобно. Шагавший к своему «форду» Шурик как подкошенный рухнул в раскисший на солнце снег, вжался в него, распластался за бетонным бордюром. И сразу из проезжавшей мимо «Нивы» ударил автомат. Пули прошли окна внедорожника, очередь ушла вниз, перечеркнула переднюю дверцу, пробила колесо и разлетелась осколками наледи, но Ермолова не зацепила, его прикрыл бордюр.

Взревел двигатель; «Нива» резко ускорилась и, оставляя за собой черные клубы выхлопа, понеслась прочь. Я выдернул из петель жезл «свинцовых ос», перехватил его двумя руками и утопил гашетку. Оружие задергалось и запрыгало, свинцовые шарики большей частью прошли выше машины, но один или два прошли заднее окно, и тотчас в салоне хлопнуло, сыпанули на дорогу осколки стекла.

Даже не вильнув, «Нива» проскочила дом и под визг покрышек свернула на перекрестке. Рычание двигателя быстро удалялось, и стало ясно, что водителя зацепить не удалось. Да и стрелок, скорее всего, не ранен — взрыв угодившего в защитное поле амулета свинцового шарика мог разве что оглушить.

Шурик Ермолов поднялся земли и с пистолетом в руке присел за изрешеченный автомобиль, осмотрелся оттуда и уже без особой опаски выпрямился.

— Что за нафиг? — Выглядел здоровяк скорее удивленным и сбитым с толку, нежели напуганным.

— Привет от Хозяина? — предположил я, спускаясь с крыльца.

— Ерунда! — отмахнулся Ермолов, пошарил в снегу перед бордюром и продемонстрировал смятую пулю, блестящую на солнце каплей расплавленного золота. — Вот ведь суки...

Я невольно поежился. Отвести спецпули «Чешуя дракона» не могла. И никакой другой колдовской амулет бы не мог. Только алхимический «Ангел-хранитель», а они в Форте под запертом. Полоснули бы сейчас по мне очередь — и привет...

— Это не Хозяин и не Воевода, — решил Ермолов, кинул пулю на капот изуродованного автомобиля и достал чарофон. — Это какой-то голимый беспредел...

— Удачно во всем разобраться, — пожелал я, протер жезл «свинцовых ос» и зашвырнул его через дорогу в самую середину мутной лужи. — Меня здесь не было.

Я уже зашагал прочь, когда Шурик встрепенулся и крикнул:

— На вечер все в силе!

— Хрен с тобой, золотая рыбка... — отозвался я и свернул за угол.

2

Встреча была назначена на восемь, я пришел ближе к семи. В кафе заходить не стал и прогулялся по улице, внимательно поглядывая по сторонам. На первый взгляд все было как всегда, но после утренней стрельбы это особо как-то даже не успокоило.

Я потер грудь, лишний раз проверив, на месте ли отводящий пули амулет, дошел до колхозного рынка и набрал там рекламных листовок. Потом начал раздавать их на ближайшем к «Цапле» перекрестке и моментально превратился в невидимку.

Не стою ведь без дела, стену подпирая, от людей не прячусь, а совсем даже наоборот, на виду у всех листовки раздаю. На приставал с рекламой прохожие внимания никогда не обращают, сразу отводят глаза и ускоряют шаг, проходя мимо.

В руках у меня оставалась примерно треть от первоначальной пачки, когда на парковку «Цапли» заехал автомобиль Ермолова. Не расстрелянный утром фордовский внедорожник, а новенький RAV4, который он по случаю купил для жены. Или не купил, а подарили. Я не вникал.

Хвоста за начальником погранслужбы не было; никто не проехал мимо кафе, никто не припарковал машину в соседнем переулке. Вообще автомобили редко сюда с Южного бульвара сворачивали, все больше телеги на глаза попадались. До поселка Луково рукой подать, а там много кто извозом и перевозками грузов на жизнь зарабатывает и лошадей держит.

На экране вытащенного из кармана куртки чарофона высветилось девятнадцать сорок; я немного поколебался, но все же остался на перекрестке и продолжил втюхивать листовки. Заодно наблюдал за обстановкой, и вновь — ничего подозрительного. Разве что китайцы беспрестанно туда-сюда шастают, но какое мне дело до китайцев, а им до меня? Не пересекаются наши интересы вообще никак.

Когда время подошло к восьми часам, я оставил попытки вычислить «представителя второго пайщика», бросил остатки листовок в закопченную урну и отправился в кафе.

В свое время водки здесь выпил немало и кровушки тоже довелось пролить, своей и чужой, но с тех пор, как заведение выкупили китайцы, бывал в «Цапле» только раз, да и то по делу. Поэтому по сторонам смотрел с нескрываемым интересом. На обновленной вывеске замерла изображенная в восточном стиле цапля, под русским названием шли иероглифы. Фасад дома красовался свежей штукатуркой, окна кафе были закрыты жалюзи.

Я пересек парковку, и швейцар услужливо распахнул дверь, но в коридоре навстречу сразу выдвинулась парочка вышибал. Невысокие жилистые китайцы загородили дорогу, и один из них почти без акцента поинтересовался:

— Столик заказан?

Я ничего отвечать не стал, лишь стянул лыжную шапочку и склонил голову набок, ожидая развития событий.

— Столик заказан? — повторил вопрос второй парень, который говорил по-русски куда хуже напарника. — Нет?

— Это проблема? — широко улыбнулся я в ответ.

Китайцы напряглись — голливудской красотой моя улыбка похвастаться не могла, да и когда подобные люди улыбаются, обычно ничем хорошим это не заканчивается.

Но прежде чем вышибалы нашлись с ответом, из зала выбежала низенькая официантка и что-то быстро-быстро затараторила по-китайски. Парни послушно расступились в стороны, освобождая мне дорогу.

— Уважаемый гость, идите за мной! — попросила девушка.

Я в ответ на такое обращение только хмыкнул, но стоять столбом не стал и зашагал за официанткой, а когда та привела меня к гардеробу, спросил:

— Это обязательно?

— Обязательно, — кивнула китаянка.

Стянув перчатки с озябших за время блуждания по улице рук, я убрал их в карман, туда же сунул шапочку. Переложил чарофон в брюки и передал куртку лысоватому старичку-гардеробщику. Взамен тот выдал мне деревянный жетон: на одной его стороне была выжжена цапля, на другой — цифра семь.

Оправив фланелевую рубаху, я глянул на себя в зеркало, убедился, что ничего не топорщится из-за засунутого сзади за ремень брюк кольца, и вслед за официанткой спустился в основной зал.

Как и в последний мой визит сюда, просторное помещение было разделено на части свисавшими с потолка ширмами, а у низеньких столиков вместо стульев лежали циновки. Дымившиеся тут и там палочки наполняли воздух ароматом благовоний, запаха табака совсем не чувствовалось. Но курили прямо в зале — я заметил пепельницы.

По проходу меж циновок мы дошли до задней стены, и там официантка распахнула передо мной неприметную дверь. В просторном кабинете на самом обычном диванчике за самым обычным столом сидел Ермолов. Да и в остальном обстановка была напрочь лишена малейшего намека на китайский колорит; под потолком люстра, на стенах фотообои, не хватает только бильярдного стола...

Шурик оттянул рукав свитера, взглянул на часы и усмехнулся:

— Точность — вежливость королей?

— Типа того, — подтвердил я, уселся напротив приятеля так, чтобы видеть входную дверь, и предположил: — Пацанский кабинет?

— Типа того, — моими же словами ответил Шурик и многозначительно покрутил пальцем в воздухе. — Просто ужинаем, дела не обсуждаем.

Я намек понял и постучал по пустому столу.

— Воздухом питаться будем? — После этого достал заткнутый за ремень кольт и принялся накручивать на него глушитель.

— Это лишнее! — вскинулся Шурик.

— Утром тоже лишнее было? — напомнил я, положил пистолет рядом с собой на диван и накрыл оружие подушечкой.

Ермолов поморщился, но спорить не стал, вместо этого дернул свисавший с потолка шнурок. Вскоре дверь распахнулась, и в кабинет вошла давешняя официантка.

— Что будете заказывать? — спросила китаянка.

— Утку по-пекински, — не глядя в меню, сказал Шурик. — А пока готовится, несите пару порций лапши. И хлеб.

— Пиво, водка, настойки?

— Водку, — решил Ермолов.

— Графин?

— Бутылку. Нераспечатанную.

— И чай, — попросил я.

— Зеленый, черный, пуэр?

— Черный, обычный черный чай.

Когда официантка вышла, Ермолов откинулся на спинку диванчика и поинтересовался:

— Как тебе заведение? Первый класс, а?

— Хорошее заведение, — подтвердил я и после небольшой паузы добавил: — Если ты платишь.

Шурик заржал.

Почти сразу принесли лапшу и водку, мы выпили и принялись за еду.

— Что со стрельбой? — спросил я некоторое время спустя.

— «Ниву» нашли у Красного проспекта, стрелки ушли. Крови в салоне не было. Зацепок никаких.

— Кто тебя в расход пустить хотел, есть предположения?

— Ни малейших, — покачал головой Ермолов, посмотрел сначала на часы, затем на бутылку и вновь разлил водку по стопкам. Но выпить предлагать не стал, вместо этого подмигнул. — Пока для антуража пусть постоит, а для запаха мы уже выпили.

Я отодвинул от себя пустую миску и понимающе улыбнулся:

— Маленькие хитрости переговорного процесса?

— Ну а как без этого?

— Не доверяешь... партнерам?

— Было бы странно, — буркнул Шурик.

— Тоже верно.

Наполнив чашку из небольшого чайничка, я сделал осторожный глоток и спросил:

— Не боишься без охраны ездить?

— Боюсь, — признал Ермолов, — но отменю встречу — почитают слабостью. Нельзя. Съедят. — Он оттянул рукав и показал охвативший запястье алхимический амулет. — Подстраховался вот, выбил разрешение на «Архангела».

— Отличные у тебя... у нас партнеры, — проворчал я, и в этот момент распахнулась дверь кабинета.

Вместо официантки внутрь шагнула зеленоглазая девушка — стройная, высокая и светловолосая. Белая водолазка соблазнительно обтягивала немалых размеров грудь, высокие ботфорты доходили почти до мини-юбки, на губах играла легкомысленная улыбка.

— Мальчики, а можно я у вас подымлю? — спросила незнакомка, прикрывая за собой дверь.

Я радушно улыбнулся в ответ и опустил руку к убранному под подушку пистолету. Оставайся у меня на голове волосы, они бы сейчас точно встали дыбом. К нам пожаловала ведьма. Самая настоящая валькирия из Лиги, уж я таких навидался.

— Конечно, присоединяйся! — разрешил Шурик, толчком отправляя пепельницу на противоположный край стола. — Заждались уже...

Я убрал большой палец со спицы курка и вытащил руку из-под подушечки, оставив лежать пистолет на диване.

— Вы сама галантность... — обворожительно проворковала ведьма, выставляя на стол небольшую хрустальную пирамидку, — Александр...

Доносившаяся из основного зала музыка стихла, в ушах зазвенел тонкий противный писк. Волны расходящейся от амулета колдовской энергии ощущались буквально физически.

— Полагаю, нас теперь не подслушать? — предположил я.

Ведьма перевела на меня взгляд зеленых глаз — слишком уж внимательный, словно сверялась с полученным от кого-то описанием, потом протянула руку.

— Яна!

Я привстал с дивана и осторожно пожал ее тонкие пальчики.

— Александр, — представился не кличкой, а именем, полученным при рождении.

— Ой, как здорово! — рассмеялась девушка. — Два Александра! А можно я сяду между вами и загадаю желание?

Шурик недовольно поморщился и ответил уже без всякой галантности:

— Сядешь позже. Если захочешь...

Яна опустила на свободное место и закинула ногу на ногу.

— Желаете перейти к делу?

— Было бы неплохо, — кивнул Ермолов, задумчиво вертя в пальцах рюмку с водкой.

То ли прикидывался подвыпившим, то ли просто старался лишний раз на ведьму не смотреть.

— Если сразу к делу, — улыбнулась Яна, — то у нас все в силе. Надеюсь, у вас тоже?

— Мы же здесь, — пробурчал Шурик. — Но не все зависит только от нас. Есть еще один... партнер.

— И?

— Он даст окончательный ответ завтра, — сообщил Ермолов.

— Будет очень досадно упустить такую возможность, — отметила ведьма и грациозным движением поднялась с диванчика. — Но я в вас верю. Я верю, что все получится.

— Стой! — подался вперед Шурик. — Что с картой?

— Будет окончательный ответ — будет карта, — ответила Яна и забрала со стола хрустальную пирамидку, от которой по доскам уже начал расплзаться иней.

Шум в голове сразу стих, зубы перестало ломить.

— До встречи, мальчики! — звонко рассмеялась ведьма и, театрально покачивая бедрами, покинула кабинет.

Ермолов беззвучно выругался и опрокинул в себя рюмку водки. Я выпил вслед за ним и ухмыльнулся.

— Теперь понятно, чего твоя жена с детьми к родителям зачастила. Они опять в Волчьем лого, да?

— Фигня! — отмахнулся Шурик. — Никогда на ведьм не тянуло.

— Я видел, как тебя на нее не тянуло, — хмыкнул я и поморщился. — Ладно, а теперь серьезно. Что это было вообще? И на кой ляд ты меня сюда притащил?

Ермолов молча разлил по рюмкам водку, но я сбить себя с толку не дал и потребовал объяснений:

— Рассказывай!

Шурик поскреб щеку и задумчиво пробормотал:

— Побриться надо...

— Саня!

— Да не кричи ты! Не кричи. Не все так просто...

Я выругался.

— Вот насколько не удивлен!

Ермолов посмотрел на рюмку, но пить не стал и отставил ее на край стола.

— Ладно, — вздохнул глава погранслужбы, — давай тогда с самого начала.

— Да уж хотелось бы!

— Но не здесь.

В этот момент принесли утку, и в любом случае пришлось прерваться. Ужинали молча, особо даже не глядя друг на друга. Под конец я не выдержал и залез Шурику под шкуру:

— Так что у тебя с Яной?

Ермолов в сердцах бросил вилку на тарелку и заявил:

— Ничего у меня с ней нет! А мои в Волчьем лого для безопасности, понял? Монастырские с понятиями, они ни от кого беспредела не потерпят. И слово держат.

— Договорился?

— Угу.

— Но на ведьму запал.

— Тьфу на тебя, Лед! Не было у нас ничего! Хочешь — сам приударь.

Я отодвинул тарелку с костями и веско произнес:

— Я просто хочу знать, какой головой ты думал, когда подписывался на это дело: верхней или нижней. Это важно.

— Хорош мне мозг канифолить! — разозлился Ермолов. — Пошли! На улице поговорим!

Мы покинули «Цаплю», но в машину садиться не стали и расположились на скамейке у парковки. Оттуда прекрасно просматривались и тротуар, и проезжая часть.

— Ну что там у тебя? — спросил я.

— Я сюда немного раньше тебя угодил. В Приграничье, в смысле, — издали начал Ермолов, — еще поисковиков застал.

— Я тоже застал.

Поисковики проверяли наиболее вероятные места провалов из реального мира и зарабатывали продажей обнаруженных там вещей. Дело это было муторное и непростое — точки

переходов не отличались стабильностью, для их обнаружения требовался человек с чутьем, вокруг которого и сбивалась вагата. И в отличие от кондукторов через Границу поисковики ходить не умели.

— Застал? — удивился Ермолов, сунул руку под шапочку и почесал голову. — Ну ладно. Помнишь, как они кончили?

— Вырезали их всех. Люди Хозяина постарались.

— А почему — знаешь?

Я знал.

— Хозяин всех кондукторов под себя подмял, конкуренция ему была не нужна.

Шурик только усмехнулся и достал из кармана фляжку.

— Притормози! — потребовал я. — Развезет, на фиг, а тебе еще домой ехать.

— Да ладно! — отмахнулся Ермолов, но все же засомневался и вздохнул. — Думаешь, не стоит?

— Точно не стоит.

— Будешь?

Я отказался и напомнил о поисковиках:

— Так почему их вырезали?

— Они стали опасны, — ответил Шурик. — Места переходов упорядочивались и сгруппировались вдоль Границ. Появились окна, поначалу спонтанные и нестабильные, затем и постоянные. Поисковики рано или поздно отыскивали бы все точки, затем банды поделили бы их между собой и начали трясти кондукторов.

— Ясно тогда, чего Хозяин взбеленился.

— Да не важно, — отмахнулся Ермолов. — Главное, что значительная часть окон сейчас жестко привязана к одному конкретному месту. В основном это окрестности Границы, самая глухомань. Вывозить товар оттуда настоящая проблема, зато никто в дела не лезет.

— И?

— Есть карта с примерным расположением окон.

— Карта? Откуда она у Лиги?

— Понятия не имею, — сознался Шурик. — Но что-то такое у них точно есть.

Я задумался.

— Это они на тебя вышли?

Ермолов замялся, но признал:

— Так и было. Насколько я понял, на карте отмечены только районы, сами окна придется искать. И для этого нужен ты.

— Шурик, ты вообще охренел? Ты продал меня Лиге? А это были смотрины? Правильно понимаю?

— Это взаимовыгодная сделка.

Я вскочил на ноги и, не находя слов, затряс рукой.

— Вот ты блин! Вот ты... Олень! Шурик, ты олень! С ними нельзя вести никаких дел. Просто нельзя!

Ермолов поднялся со скамейки и несильно толкнул меня в плечо.

— Успокойся! Там у них кое-какие подвижки случились. Это пока просто не афишируется. Вроде как нашли с Воеводой общий язык.

— Офигеть, ты меня успокоил!

— С Воеводой они замирились, но части доходов лишились. Так что этот проект для них крайне важен. А самостоятельно они окна вычислить не могут. Или могут, но это очень много времени займет.

— А ты не думал, что мы просто сделаем для них грязную работу? Я сделаю?

— Такой кусок им при любом раскладе не прожевать. Для этого и понадобился консорциум, — уверил меня Шурик. — Я вообще не уверен, что в деле вся Лига, а не две-три ведьмы из внутреннего круга, или как там у них верхушка называется.

— Вот ты подогнал проблем!

— Прорвемся! — усмехнулся Ермолов.

— Слушай, а чего вы к Хозяину прицепились? Свободных окон нет, что ли?

Шурик поморщился.

— Есть, но большинство окон вдоль Границ расположены, в самой глухомани. Ни подъездных путей, ничего. Где-то можно подобраться, но это одно-два окна, эффект не тот.

— А! — сообразил я. — А на юге вдоль Границы трасса Город — Северореченск идет?

— Именно, — подтвердил Ермолов и направился к машине.

— Лиге отходит треть, еще треть — нам, а остальное? — спросил я, зашагав следом.

— Нет, Лиге половина, а не треть.

— И сколько остается? Двадцать процентов? Семнадцать? Это кому?

Ермолов пожал плечами:

— Группе поддержки. Что-то пойдет в неофициальные фонды Патруля и погранслужбы, что-то на взятки и откаты. Думаешь, у Хозяина своих людей в Форте нет? Да полно! С кондачка такие дела не решаются, не прикроем тылы — головы оторвут и скажут, что так и было.

— Вот ты порадовал!

— Все будет в лучшем виде. Завтра в первой половине дня с Гельманом встречаемся. Будь готов к десяти, скину сообщения.

— Гельман нам зачем? Он же только заместитель, а Патрулем твой Тополев командует. Или уже не уверен, что Тополев твой человек?

— Со Стасом нормально все. Просто определенные схемы на Гельмана завязаны, без него никак.

— Как скажешь.

— Все, до завтра.

Ермолов забрался в автомобиль, вывернул с парковки и укатил по направлению к Южному бульвару; я немного постоял, но никто не сорвался с места и не поехал вслед за ним.

Тогда я вздохнул и зашагал домой.

На душе было беспокойно.

ГЛАВА 2

1

Перебраться через забор, поверху которого пущена колючая проволока, — обычно задача нетривиальная. Но если вы располагаете внедорожником и резиновым ковриком из багажника, все несколько... упрощается.

— Осторожней, кабан! — выругался Шурик Ермолов, когда я забрался на RAV4 его жены. — Крышу помнешь!

Я накинул резиновый коврик на колючую проволоку и ответил не менее резко:

— Вот на хрена мне вообще эти приключения, а? Нет, ты скажи!

— За входом люди Линева наблюдать могут. И не только они. Тут какая-то тема в разработке, я не вникал, — ответил Шурик, протягивая «вепрь» двенадцатого калибра. — А нам с Гельманом перетереть край надо!

— Нам?

— Именно нам! Лезь давай!

Я перевалился через забор и прыгнул в высоченную кучу снега, не успевшего растаять в темном углу. Коврик рывком сдернули с забора, потом хлопнула дверца, и внедорожник укатил по переулку.

Не двигаясь с места, я накинул ремень дробовика на плечо и с помощью внутреннего зрения попытался уловить присутствие магической сигнализации, но таковой на заднем дворе пивоварни Славы Хмелева не оказалось. Большое упущение с его стороны.

Впрочем, кому придет в голову вламываться в пивоварню? Не банк, чай.

Как бы то ни было, бдительности я не терял и к задней двери бара на первом этаже пробрался вдоль стены дома. Через арку от черного хода питейного заведения располагались задворки оружейного магазина, а отстрел нарушителей частной собственности преступлением в Форте никогда не считался. Куда там штатовской «castle doctrine»!

Сделав глубокий вздох, я начал прислушиваться к биению магических полей, но тут приоткрылась задняя дверь бара. Помощник пивовара — высоченный громила с внешностью бывшего боксера при виде меня молча нахмурился, а вот Слава Хмелев от недоуменного возгласа не удержался.

— Что за нафиг? — повернулся пивовар за объяснениями к Ермолову.

— Забей, — хлопнул его в ответ по плечу Шурик и отправился в подвал. — Сейчас Гельман подъедет, его из оружейного запустят.

— Ну вообще! — выдохнул Хмелев.

Я усмехнулся и спустился вслед за Ермоловым.

Подвал оказался весьма обширным, с кирпичными стенами и сводчатым потолком. Большую часть помещения занимала печь с варочным котлом и емкость непонятого предназначения, от них за стену уходили шланги и трубы. В углу

поместился солидный сейф. Дверь в соседнюю комнату оказалась заперта.

Я подергал ее за ручку и задумчиво взглянул на Ермолова.

— Брось! — махнул тот рукой. — И угольный люк не трогай, еще сигнализация работает.

Шурик убрал куртку на вешалку и выложил на стол детектор прослушивающих устройств. На приборе горел зеленый диод.

— Видишь? Порядок!

Пришел помощник пивовара, принес кувшин и с ним какую-то немудреную закуску. Ермолов достал из шкафа три кружки, две из них наполнил и сразу снял пробу.

— Отлично! — расплылся он в улыбке и вытер губы тыльной стороной ладони. На запястье сверкнул золотом браслет «Архангела».

Я отпил светлого пива и пожал плечами.

— Пить можно.

— Попросить тебе темного принести?

— Мы сюда пить пришли? — огрызнулся я.

— И пить тоже, — усмехнулся Ермолов и закинул в рот сухарик.

Я беззвучно выругался, поставил карабин в угол и с кружкой пива в руке встал за дверью.

— Ты чего это? — насторожился Шурик.

— Гельман меня увидит, из подвала ломанется. Кто за ним побежит, ты?

— Только не напугай его до полусмерти. Он нам живой нужен.

— Ну я же убрал ружье.

— Ты и без ружья кого хочешь напугаешь.

Я только хмыкнул и вновь приложился к кружке с пивом. В этот момент дверь распахнулась и в подвал прошел невысокий господин, моложавый и слегка взъерошенный.

— Привет, Артем! — улыбнулся Ермолов.

Я оторвался от кружки и тоже поприветствовал заместителя начальника Патруля:

— Здравствуйте, товарищ Гельман!

Артем подпрыгнул на месте от неожиданности, стремительно развернулся и выругался:

— Ах ты ж мать твою!